

Вступление

Восьмое ноября, понедельник. Объявленное Рьюеном сражение тематических кафе стало для нас сюрпризом, и мы были вынуждены принять дополнительные меры. Тем не менее решимость товарищей вступить в бой от этого только усилилась, и намеченные планы остались в силе.

В ответ на предложенное Рьюеном пари Хорикита добилась соглашения с классом по поводу ставки на поединок – миллион приватных баллов. Упомянутую сумму получает класс с наибольшим заработком, даже перевеса в один балл будет достаточно.

Победа в прямом столкновении, без лишней возни.

При этом большинство учеников разделяет позитивный настрой. Надо сказать, это очень хорошие новости.

Чабашира-сенсей вышла из класса и на этом занятия закончились.

Я достал свой телефон. В чате висело одно непрочитанное сообщение.

[...: Время нашёл. Иду в назначенное место.]

Судя по всему, на мою просьбу о встрече покорно откликнулись.

Повлияли ли на это мои слова о том, что хочется обсудить будущее?

— Эй, Киётака, пойдём домой вместе.

— Извини, но у меня на сегодня ещё кое-какие планы.

— Э, правда? Понятно... Ну что, Майя-чан, пойдём домой вместе!

Кей моментально переключилась и повернулась к Сато, которая все ещё оставалась в классе.

— То есть я у тебя типа запасной вариант, если с Аянокоджи-куном не выйдет?!

— Да ладно тебе, не говори так. Идём?

Несмотря на колкое замечание, Сато вовсе не выглядела злой, скорее напротив, она с улыбкой согласилась на предложение. Затем Кей позвала с собой ещё нескольких девушек, и они

вместе весело вышли из класса.

Среди них можно заметить и Шинохару, с которой у нее были натянутые отношения.

После сближения с Сато, Кей начала выглядеть еще более зрелой, чем прежде. Как бы то ни было, я только рад, что ей есть кому составить компанию.

Чтобы попасть на встречу с Канзаки, я отправился в здание специального корпуса.

Это не та тема, которую можно обсудить по телефону, в чате или же в присутствии других людей.

По пути я заметил в коридоре Машиму-сенсея, классного руководителя класса 2-А, который разговаривал с учителями с других параллелей. Такая необычная картина привлекла мое внимание, тем не менее останавливаться я не стал.

— Чабашира-сенсей в последнее время изменилась, — слышался разговор учителей, когда я проходил мимо.

— Она стала более мягкой, что ли. Даже улыбается чаще.

— Машима-сенсей, вы же учились вместе с Чабаширой-сенсей? Хотелось бы о многом вас расспросить...

Судя по всему, темой разговора является Чабашира-сенсей.

Мне кажется, лучше учителям обсуждать вопросы в учительской, но не стоит удивляться разговорам в укромном месте, когда речь зашла о конкретном человеке, тем более о классном руководителе противоположного пола.

И не стоит даже упоминать, что те самые перемены в Чабашире-сенсей спровоцированы специальным экзаменом «Единогласное решение».

Одно о ней можно сказать наверняка: она словно начала с чистого листа не только как классный руководитель, но и учитель.

Машима-сенсей заметил меня и прервал разговор. Скорее всего, он подумал, что будет нехорошо, если кто-то из учеников услышит неосторожные высказывания.

— Аянокоджи, тебе что-то нужно в специальном корпусе?

Вопрос можно назвать вполне закономерным, ведь после окончания уроков не так много учеников будут идти по этому коридору.

— У меня назначена небольшая встреча. Не хотелось, чтобы разговор мог кто-нибудь подслушать.

После моих слов все учителя, кроме Машимы-сенсея, видимо, решили на этом закончить, и поэтому с неловким выражением на лицах разошлись.

Я мог бы также сразу уйти, однако до назначенной встречи еще оставалось время.

— Хорошо, что встретил вас, Машима-сенсей. Я хотел бы кое о чем спросить, не будете против?

То, что Машима-сенсей не торопился уходить, можно расценивать как знак свыше.

— Спросить меня? И о чем же?

— Это касается правил культурного фестиваля, которые не оглашены публично.

Хотя Машима-сенсей сперва выглядел сбитым с толку, тем не менее он сразу посмотрел на меня, как учитель на ученика.

В этой школе действуют особые правила, которые во многом отличаются от тех, что существуют в обычных школах. Здесь должны прекрасно понимать: каждый ученик обращает внимание на что-то свое. А раз так, то неминуемо может произойти нечто любопытное.

— Не знаю, о чем ты собираешься спрашивать, но разве сначала не нужно обратиться к своему классному руководителю, Чабашире-сенсей?

Он уточнил, не ошибся ли я с тем, к кому обращаюсь с вопросом.

И правда, при обычных обстоятельствах за разъяснением правил следует идти к классному руководителю.

— В зависимости от ситуации может быть полезно обратиться к другому учителю, а не к Чабашире-сенсей.

— Учитель должен беспристрастно относиться к ученикам. Однако, когда этот ученик из параллельного класса, то могут возникнуть проблемы. Ты же это понимаешь?

Как только спрошу, пути назад не будет. Именно на это он акцентировал внимание.

— Я пришел к выводу, что вы не тот человек, который станет подводить ученика, Машима-сенсей.

— Раз ты сам так решил, отговаривать не стану.

То есть это не столько жест доверия, сколько позиция: делай что хочешь, это уже не мои проблемы.

— Ну, ты хотел узнать о неписанных правилах?

Получив разрешение от Машимы-сенсея, я обратился к нему за советом касательно одного специфического случая. И услышав суть вопроса, он нисколько не удивился. Хотя это вполне ожидаемо.

Школа также заготавливает скрытые правила, чтобы удовлетворить самые разные запросы учеников. Именно поэтому ничего удивительного в том, что среди них могут найтись такие как я, то есть со своеобразным образом мышления.

— Да, все так, как ты и предположил. Этим можно воспользоваться в случае необходимости.

— Значит, так оно и есть.

Это не назвать чем-то из ряда вон выходящим. Такая необходимость может появиться в зависимости от обстоятельств, или если класс в затруднительном положении.

— Но в вопросе эффективности могут возникнуть сомнения. Надеюсь, ты понимаешь: если это между учениками, то проблем не возникнет. Точнее, можно договориться между собой, чтобы их точно не возникло. Понимаешь, о чем я?

— Да. Выходит, нет нужды заносить это в правила, и можно действовать по-своему.

— Разумеется, риски у всех разные. Почему ты рассматриваешь этот вариант?

— Я считаю, что вполне естественно готовиться к непредвиденным обстоятельствам, — ответил я, на что Машима-сенсей задумчиво кивнул.

— Если дело не в том, чтобы решить, устраивать что-то подобное или нет... Да, от понимания этого момента хуже точно не будет.

Машима-сенсей не стал озвучивать сомнения вслух, однако он наверняка слабо представляет, как это может повлиять на продажи.

— Хорошо, что я смог уточнить этот момент. Благодарю вас.

— Не стоит.

Теперь на одну вещь, которую необходимо уточнить к культурному фестивалю, стало меньше. Надо сказать, вышло довольно неожиданно.

Я поклонился и уже собирался идти, как вдруг Машима-сенсей окликнул меня:

— Аянокоджи, думаю, ты слышал наш разговор про Чабаширу-сенсей... Что-то произошло на специальном экзамене «Единогласное решение»?

— Она сама вам ничего не говорила?

Машима-сенсей знал о результатах, но похоже, изменения душевного состояния Чабашире-сенсей он все-таки понять не мог.

— Невзирая на исключение, она стала более оптимистичной и улыбчивой. А значит на экзамене произошло нечто значимое, что смогло преобразить ее. Я прав?

Кажется, Машима-сенсей и Чабашира-сенсей учились на одной параллели в Кодо Икусей. Его удивление можно понять, учитывая, что он из первых рук знает о произошедшем в прошлом.

— Хотя о таком не следует спрашивать ученика. Забудь.

— Я вас понял. Позвольте откланяться.

Слегка поклонившись Машиме-сенсею, я отправился в специальный корпус, где должна состояться встреча.

Часть 1

Культурный фестиваль становится все ближе, но вместе с тем возникают не связанные с ним проблемы, которые так или иначе приходится решать. Речь идет об изменениях в классе Ичиносе.

Обратный отсчет до полного распада пошел быстрее, чем я ожидал. И чтобы не допустить его, необходимо принять меры.

В этот раз решено связываться не с самой Ичиносе, лидером их класса. Я сделал вывод, что сначала нужно изменить одноклассников под ее руководством. Хотя делать это нужно с

большой осторожностью.

Разумеется, только он обладает достаточными способностями для этой роли.

— Прости, что позвал тебя сюда.

После уроков я отправился в условленное место, где меня уже ждал Канзаки.

Лицо его было мрачным, а вокруг царила атмосфера, явно не располагавшая к приятной непринужденной беседе.

— У тебя ко мне дело?

Будучи в разных классах, мы с Канзаки познакомились практически сразу после поступления, однако особенно близки не были. В последнее время он начал испытывать ко мне явное недоверие, и если уж зашла речь, кажется, он меня терпеть не может.

Вовсе не обязательно, что он проигнорировал бы встречу, просто потому что ненавидит меня. Не исключено, что на разговор его потянуло как раз из-за настороженности. Более того, шансы на встречу возрастут, если она будет проводиться вдали от посторонних глаз.

— Я пришел поговорить о будущем.

— Будущем? И что под этим... А, неважно. Дай только скажу кое-что.

Прежде чем я перешел к делу, Канзаки изменился в лице.

Я был немного удивлен его внезапным порывом, но решил сначала выслушать его.

— В последнее время меня терзают мысли. Я мучаюсь в одиночку, поскольку ни с кем не могу ими поделиться. — После попытки выразить чувства словами он сразу поправил себя: — Нет, терзают — слишком громко сказано. Я каждый день думаю о том, как мне быть дальше.

В его словах содержались эмоции, совершенно нехарактерные для обычно спокойного и собранного Канзаки.

Я решил просто слушать дальше, пока он сам не попросит ответа.

— Вроде... что я могу извлечь из дальнейшей школьной жизни?

Вероятно, его мысли занимают не дружба и даже не проблемы с противоположным полом. В этой школе ученики должны думать лишь об одном – возведение в ранг класса А.

— Ты это сам уже наверняка понимаешь, но нашему классу не победить.

О какой победе он говорит? На культурном фестивале? На предстоящих итоговых экзаменах? Нет, речь идет далеко не о таких мелочах. Реальность такова, что класс Ичиносе не сможет подняться до класса А. И это крик души Канзаки, который признал этот факт.

— Нельзя сказать, что мы отстаем от других классов по части академических и атлетических способностей или же лидерских качеств. А где-то даже мы преуспеваем, так мне кажется. Однако я понял: это не приведет нас к победе.

Сам обдумал, сам признал и начал терзать себя мыслями. Как и ожидалось, именно Канзаки стал отправной точкой.

— Я понимаю, о чем ты говоришь. Но что ты хочешь услышать от меня, Канзаки?

Выслушать его может кто угодно, и кто угодно может вникнуть в суть разговора и выразить понимание.

— Твой... Я хочу получить от тебя совет по поводу Ичиносе.

Вот она – причина, почему это должен быть я. Всплыло имя человека, который является одной из немногочисленных общих тем для разговора.

— Нет, не только насчет нее. Я хотел бы также узнать твое мнение о том, что нужно делать нашему классу дальше.

— Весьма дерзко с твоей стороны. И я не твой одноклассник, но ты все равно решил спросить меня?

— Да...

Стоит только взглянуть на помрачневшее лицо Канзаки, и можно сразу понять, что происходит у него в голове. Он не из тех людей, кто с легким сердцем попросит помощи у других. Именно потому, что Канзаки оказался загнан в угол, ему осталось лишь прибегнуть к последнему варианту. Хотя нет, возможность обратиться за помощью им даже не рассматривалась как вариант. Наверняка он считал, что ему придется и дальше держать все в себе.

— Она никогда не воспримет мое мнение всерьез. Да и не только мое.

— Я думал, Ичиносе из тех учеников, что готова прислушаться абсолютно ко всем.

— Только в тех случаях, когда взгляды совпадают с ее собственными. Мне кажется, нет нужды это объяснять сейчас.

Мои слова нужны были лишь для проверки, однако, похоже, это было ни к чему.

Если кратко, любому, кто попросит Ичиносе о помощи, она протянет руку и не отступится, не предаст, невзирая на риски. Верно и обратное. Она не станет помогать тому, кто попросит помочь загнать кого-то в ловушку без причин.

Пожалуй, ее можно описать фразой: «нести справедливость, искореняя зло».

И ее натуру не изменить ни деньгами, ни ответной услугой.

— Не могу сказать, что она двигается в неправильном направлении. Но идеалы – это просто идеалы.

— Есть немало ситуаций, когда ее идеализм необходим.

— Возможно. Когда дела идут хорошо, я готов идти с ней плечом к плечу, какие бы усилия не пришлось приложить в процессе.

Дело в том, что Канзаки и остальные одноклассники до сих пор следовали за Ичиносе и разделяли с ней и радость, и печаль.

— А что сейчас? Придерживаясь политики Ичиносе, класс потерял очки. Мы опустились на последнее место и теперь даже не можем ухватиться за нить, которая могла бы помочь нам выбраться.

— Разговор весьма откровенный получается. Ты уверен, что мне можно рассказывать о внутренней кухне твоего класса?

— Дурацкая затея, — процедил Канзаки, словно смеясь над самим собой. — Но пусть дурацкая, зато это хоть какой-то план. Мне не остается ничего другого, кроме как положиться на тебя.

Он отвел взгляд, казавшийся отчаянным, и уперся в пол пустующего коридора.

— На экзамене «Единогласное решение» я настаивал на классных очках, которые получили бы путем исключения кого-то из класса. Я продолжал голосовать «За», пытался привести доводы, но все оказалось впустую.

Понятия не имею о происходящем в их классе, но легко могу представить.

Ради повышения собственного класса, а также для того, чтобы заставить осознать их реальное положение, Канзаки был согласен на исключение одного из учеников. Голосом «За» он пытался изменить восприятие всего класса, однако никто, включая саму Ичиносе, не согласился с его мнением. При этом они не стали привлекать Канзаки к ответу за его упрямство, а просто призвали стараться вместе и впредь.

Даже если в реальности было немного иначе, общая картина должна быть такой.

— Просто смехотворно... — пробормотал Канзаки в тишине, в которой я так и не дал ответа. — И что изменится, если я поговорю с кем угодно, будь то противник или союзник?

Канзаки сам осознал: никакого совета он получить не сможет. Судя по виду, теперь он презирает себя за такой импульсивный поступок.

— Ичиносе глубоко уважает тебя. Ты – особенный человек, единственный, кто способен изменить ее политику. Вот настолько она стала узко мыслить.

— Вот как.

Ради спасения класса требуется изменить мышление и ценностные ориентиры Ичиносе, их лидера.

А раз он не критикует способности класса как такового, значит, ситуация не безнадежна.

— Похоже, ты искренне желаешь изменить ход событий и избавиться от застоя.

Прикрываться другими намерениями сейчас нет нужды, поэтому Канзаки медленно кивнул.

Однако надо как следует обдумать, действительно ли это пойдет классу на пользу.

Есть то, что охваченный беспокойством Канзаки не в состоянии увидеть.

Изменить Ичиносе и спасти положение. Такое видение будущего – лишь обман.

Если допустить, что Ичиносе может измениться по одному моему слову, можно ли считать, что она растет над собой? Получится ли у нее догнать остальные классы, если временами будет принимать жесткие решения?

А чтобы устранить недостатки, придется избавиться от уникального достоинства. Стоит лишь

раз ступить на этот путь, и нет гарантий, что удастся вернуться назад.

— Я согласен, что ход событий нужно изменить. Но не могу согласиться с твоим подходом.

— Но кроме тебя других вариантов нет. Аянокоджи, ты единственный, кто может повлиять на Ичиносе.

— Как знать. Мне кажется, для этого есть более подходящий кандидат.

— В голову ни один не приходит.

Канзаки, у которого в этом плане не было никаких догадок, только и мог, что развести руками.

— По правде говоря, когда получил от тебя сообщение, я позвал еще одного человека.

— Кого?

— Одного из твоих одноклассников, которого ты хорошо знаешь.

— Неужели ты позвал Ичиносе?

В каком-то смысле она последний человек, которого он хотел бы здесь увидеть.

— К сожалению, не Ичиносе. Этот ученик обладает скрытыми талантами, с которыми можно переломить ход событий.

— Я тебя расстрою, но, к несчастью, помимо меня в нашем классе нет таких, кто способен возразить Ичиносе. Это я усвоил на личном опыте.

— Не потому ли ты мыслишь так ограниченно?

— Чего?

— Класс Ичиносе выглядит монолитным, но настоящего единства в нем нет. Учитывая внушительное количество изъянов, среди учеников наверняка найдется немало тех, кому приходится идти на поводу у окружающих.

Похоже, мои слова не стали подсказкой для Канзаки.

Или это вполне ожидаемая реакция? Ведь этот человек не даст даже намека своим одноклассникам на собственное беспокойство.

— Почему класс Ичиносе сдает свои позиции и находится сейчас в глубоком кризисе?

Куда приведет нескончаемая череда ошибок? Вот что нужно вбить в головы Канзаки и остальных.

— А? Что здесь делает Канзаки-кун?

Химено заметно растерялась. Должно быть, думала, что кроме меня тут не будет никого.

Она пришла немного раньше назначенного времени, хотя и очень вовремя.

— Химено? Ты знакома с Аянокоджи?

— Ну так...

Можно сказать, в школе мы ни разу не пересекались. Так считает не только Канзаки, но и подавляющее большинство учеников.

— Я не могу поверить, что Химено, по твоим словам, подходящий кандидат.

В целом я представляю, какой образ Химено сложился у него в голове за время, проведенное в этой школе. Наверняка он видит в ней просто одну из учениц класса, которая ничем не отличается от остальных.

— Я докажу тебе.

— Подождите. Вы же обо мне говорите, а о чем конкретно речь?

Вызванная мной Химено закономерно оказалась в замешательстве.

— Ну... Нет, стоять! — Канзаки уже было принялся объяснять, как вдруг заметил несостыковку. — Аянокоджи, как это понимать?

— Понимать что?

— Ты позвал меня на разговор - а по какой конкретно теме? Еще и заранее пригласил Химено, выходит, с самого начала ты... — Канзаки умолк. Он поочередно смотрел то на меня, то на

Химено.

— Да что, что? Какого черта?

— Ты ожидал, что я собирался сегодня посоветоваться насчет класса... То есть ты и сам считаешь, что нашему классу нужны реформы? Нет, не вижу смысла: ни зачем ты задумался об этом, ни почему решил действовать...

Я позвал Канзаки на встречу, но, прежде чем успел сам вставить слово, он рассказал мне о внутренней ситуации класса. И тут появляется Химено, а ход разговора остался прежним – это неестественно.

— Насколько далеко ты смог рассчитать?..

И заговорив первым, он весьма неожиданным образом узнал о моих расчетах. Этого оказалось достаточно, чтобы поразить Канзаки.

— Перейдем к делу. Я объясню, зачем я позвал тебя, Канзаки. Менять Ичиносе моими руками нет нужды. Если что и нужно менять, так это лишь восприятие класса. А оно уже окажет влияние на саму Ичиносе.

— ...Бесполезная трата времени. Я уже усвоил это на своем опыте.

— Это справедливо, когда ты один. Но если вас будет двое? Трое? Если бы весь класс, за исключением самой Ичиносе, изменил свое видение, результат специального экзамена «Единогласное решение» был бы совсем другим.

— Изменить мнение всего класса – лишь несбыточная мечта. Да и даже если бы удалось это перевернуть, ты думаешь, результат экзамена бы изменился? Ичиносе до последнего не стала бы одобрять исключения одноклассника.

— Мне тоже сложно представить, чтобы Ичиносе, которая всей душой заботится о классе, согласилась на исключение. Другое дело, если поражение на специальном экзамене повлечет штраф.

— Подожди. Ичиносе-сан защитит одноклассников даже ценой серьезного штрафа, — решила вставить слово Химено, которая до этого практически была сторонним наблюдателем.

— Станет ли она до последнего придерживаться своего мнение, если голосовать «Против» будут тридцать девять человек?

— Конечно, это же Ичиносе-сан. Так ведь, Канзаки-кун?

— Я тоже так думаю, вот только... противоречия возникнут точно.

Ичиносе будет сражаться в первых рядах ради своих одноклассников.

Но что, если те же одноклассники, все до единого, дадут отпор? Хотя смогла ли бы она и дальше голосовать «Против» вопреки, даже осознав собственную неправоту, - уже другой вопрос.

Даже если она в этих обстоятельствах останется при своем, тогда ее будет ждать чувство ненависти к самой себе. Ведь от факта не спрятаться - по ее вине класс утратит внушительное количество очков.

— Другое дело, а сможет ли охваченная чувством вины Ичиносе полноценно исполнять обязанности лидера?

— Но это было бы даже хуже, чем есть сейчас.

— Именно. Такого исхода Ичиносе бы не захотела. Канзаки, что думаешь? Как бы тогда все прошло на самом деле?

— При таком раскладе весь класс, как и я сам, смирился бы с необходимостью исключения, наверное.

Понимая, что это нереальная ситуация, он представил ее в голове и провел симуляцию.

— Когда тридцать девять человек, готовые к истечению времени, продолжают голосовать «За», Ичиносе рано или поздно сдастся и сменит сторону. А потом наверняка будет стремиться к тому, чтобы уйти самой...

Тут и добавить нечего, ответ исчерпывающий.

Класс успешно добьется повышения классных очков, исключив при этом Ичиносе. К тому же так они избавятся от сковывающей их доброты лидера.

— Бред. Потери в таком случае были бы несопоставимыми!

Отделить Ичиносе от ее же класса. Когда Химено о таком сценарии даже думать не могла, Канзаки увидел в нем возможный вариант спасения.

— Разумеется, я не призываю исключать Ичиносе. Но если одноклассники изменятся, класс также претерпит изменения. Я думаю, что нужно изменить взгляды остальных, а не пытаться

повлиять непосредственно на Ичиносе. И начало этому положите вы оба.

— Э, я?

— Ты ведь не согласна со всем, что делает Ичиносе. В отличие от одноклассников, которые слепо верят ей, ты испытываешь сомнения, как и Канзаки. Я прав?

— Ну, это...

— О чем ты подумала, когда Канзаки начал оказывать сопротивление во время специального экзамена «Единогласное решение»?

— ... — опустив голову, Химено погрузилась в молчание.

— Расскажи. Лично мне тоже интересно узнать твое мнение.

— Я понимала, что все впустую. Класс одной речью не изменить. Они же как заведенные повторяют одну мантру: «Не хочу видеть страдания остальных, поэтому лучше буду страдать сам».

Мало-помалу она начала изливать свои чувства.

— Мне показалась твоя попытка оказать сопротивление лишь напрасной тратой времени, Канзаки-кун. Я просто хотела, чтобы эта пытка поскорее закончилась... Поэтому и попросила тебя прекратить.

Вероятно, вспомнив ту сцену, Канзаки закрыл глаза и коротко кивнул.

— Когда ты услышал слова Химено, ты разве не воспринял их также, как восприняли одноклассники? Ты наверняка счел, что это призыв не идти против Ичиносе. И что нельзя даже рассматривать вариант, при котором кого-то могли выкинуть из класса.

Канзаки не пытался этого отрицать и медленно кивнул.

— Однако на самом деле все иначе. Химено и сама сомневается в действиях класса.

— Но почему тогда не сказать об этом? И я не только о «Единогласном решении» говорю, поводов было полно.

А теперь начинается разговор, в котором нет места мне, кто не знает о настроениях класса.

По-хорошему его не стоит вести в подобном месте. Ведь ничего хорошего не выйдет, если я, посторонний человек, услышу его содержание... Но это верно только при обычных обстоятельствах. Сейчас же ситуация прямо противоположная. Как раз именно мое присутствие располагает к тому, чтобы вытащить из Химено нужные слова.

Иначе говоря, если упустить этот шанс, то все вернется на свои места: класс Ичиносе продолжит идти по намеченной тропе без малейшего шага в сторону.

— Ха-а...

В отличие от Канзаки, в глазах Химено нельзя заметить такую богатую палитру эмоций.

— Скажешь тоже, будто это так просто!

Она тяжело вздохнула и отвела взгляд, словно пытаясь его спрятать.

— Зачем мне говорить об этом, когда ты и сам все понимаешь? В нашем классе сильное групповое давление. Для меня что-то может быть белым, а для большинства черным, и тогда оно будет именно черным. Так это или нет – значения не имеет. Окружающие постоянно будут переубеждать тебя, что мое мнение – оно черное, и они не остановятся, пока я не соглашусь. Это такая головная боль. Вот поэтому я до сих пор ни слова поперек не сказала, и я и дальше буду молчать.

— Но если ничего не скажешь, то белое так и останется черным.

— Ну и пусть! Я просто соглашусь, что мое мнение неправильное. Но внутри буду думать по-другому.

Из позиции Химено можно вычленить текущее состояние класса – полное отсутствие решимости.

— Тебя же подкосила эта безрезультатная попытка отстоять свое мнение, а, Канзаки-кун? Не потому ли, что заставили перекрасить в черное то, что ты считал белым? И ты тоже это проглотил, не так ли?

Напрасные усилия. Чтобы их избежать, Химено предпочла плыть по течению. Нет, наверняка так поступила не одна только Химено. То же самое касается и других учеников класса Ичиносе.

— Мне не хочется, чтобы ты думал, будто я в твоей команде. Прости, Канзаки-кун, но нет у меня твоего рвения.

Канзаки практически вплотную приблизился к Химено, на что она сделала шаг назад.

— И что, тебя устраивает, какой наш класс сейчас?

Поначалу Канзаки считал Химено всего лишь одной из своих одноклассниц, которая ничем не отличается от других. Но не успел опомниться, как уже без меня начал предпринимать отчаянные попытки ее разговорить.

— Хорошо это или плохо - неважно, для меня намного важнее защитить себя. Подружиться с кем-либо я не могу, но и враждовать ни с кем не собираюсь. Иногда меня зовут куда-нибудь, иногда - нет. Примерно такую дистанцию я хочу держать, при этом не разрушая существующей атмосферы.

По словам Химено, лучше обойтись без происшествий. И в этом нет ничего плохого. Только в таком случае, сколько бы времени не прошло, класс продолжит топтаться на месте.

— Если своими речами ты сможешь перетянуть на свою сторону большую половину класса, я, так и быть, присоединюсь. Тебя это устроит?

Химено говорит, что не собирается вставать на сторону меньшинства.

— Кх!..

В ее словах можно услышать как нежелание, так и истинные мотивы. Если Химено устроит восстание вместе с Канзаки, она окажется под ударом со стороны большинства. И натиск будет продолжаться до тех пор, пока она не откажется от своих мыслей.

— Можно я уже пойду? Я никому и ничего не расскажу. Иначе хуже от этого будет только мне самой.

И что же предпримет Канзаки в ответ на попытку Химено уйти отсюда?

Если он просто отпустит ее, то изменить свой класс у него никогда не выйдет.

— Подожди...

— Не хочу ждать.

— Не собирался никому говорить об этом, но я пытаюсь принять очень важное для себя решение.

— И что это должно значить?

— Я не собираюсь вместе с Ичиносе опускаться с классом на дно.

И тут Канзаки решил высказать Химено мысль, о которой он прежде никому не рассказывал.

— То есть... ты хочешь предать класс?

— Даже отрицать не стану. Нет смысла держаться за класс, который не в состоянии одержать победу.

Без Канзаки никто больше не подаст сигнал к ответному удару. Ведь скорее всего, с учетом текущих условий, из всех учеников лишь он один способен повести за собой класс Ичиносе.

— Я не угрожаю. Это все, что могу сказать.

Если Канзаки каким-то образом оставит свой класс, лично на Химено это никак не скажется. Тем не менее она наверняка понимает, что класс потеряет возможность подняться выше.

Химено начала колебаться. Очевидно, это совершенно иная реакция, отличная от того невозмутимого поведения, которое она демонстрировала до сих пор.

— Химено, неужели тебя все устраивает?

— Ты поступаешь нечестно. Эти угрозы...

— Можно на это посмотреть и так.

Существуют опасения насчет того, что Химено может предать, рассказав обо всем Ичиносе и остальным. И помимо Ичиносе, вполне допустимо, что одноклассники постараются не дать Канзаки получить право на перевод в другой класс. Таков риск разоблачения. Но Канзаки пошел на этот риск. И уже неважно, серьезен он или блефует.

— Ты правда вознамерился изменить класс?

— Не то чтобы мне по душе признавать это, но Аянокоджи прав. Мы своими руками изменим Ичиносе, и это спасет весь класс. По крайней мере я хочу в это верить.

— Но я...

Прикусив губу, Химено изо всех сил зажмурилась.

Если же она примкнет к полностью изолированному Канзаки, на нее саму начнут косо смотреть. И Канзаки прекрасно понимает, что это не то, чего бы она хотела. Тем не менее кто-то должен это сделать.

— ...Я же тоже... хочу победить, будь такая возможность.

Канзаки указал на то, что он, как инициатор, может исчезнуть. Вот что послужило ключом к Химено. Возможность добиться победы путем изменения класса не была отброшена полностью. Но, с другой стороны, замок лишь удалось приоткрыть.

— Тогда остается только действовать, и прямо сейчас. Так?

Если Химено и с этим не переубедить, тогда Канзаки действительно больше ничего не сможет сделать. Даже если он не захочет, ему придется изменить планы и перейти в другой класс, чтобы уже там добиваться победы.

А для Химено, которая без большинства не может назвать черным то, что на самом деле является черным, поражение будет неизбежно.

— Я же понимаю, о чем ты... Но у нас...

— «...еще есть шанс на победу при нынешней политике Ичиносе». Я надеюсь, ты не это сейчас пыталась сказать?

Опередившие слова Канзаки больно укололи Химено. Прервавшись на середине фразы, она крепко сжала губы.

— Химено, разве ты не хочешь выпуститься из класса А?

Вопрос, точно копьё, вонзился в сердце Химено. Он спровоцировал боль, кровопотерю.

— Да хочу я выпуститься из класса А, будь у нас такая возможность! — вырвавшийся крик разнесся по всему коридору.

Сорвавшийся голос Химено оказался в разы громче, чем ожидал Канзаки: его это так сильно впечатлило, что он потерял дар речи.

— Но я никак на это не могу повлиять, что бы я об этом не думала! — закричала Химено, утратившая контроль над эмоциями. — Ты же сам все понимаешь, Канзаки-кун!!!

— Понимаю! Прекрасно понимаю, поэтому и нужно действовать прямо сейчас! У меня нет желания проигрывать другим классам!

Крик Канзаки оказался неожиданностью, хотя по громкости и уступал Химено, тем не менее на этот раз именно она оказалась в исступлении.

Увидев, как легко Химено растерялась и отступила в страхе, я окончательно убедился в нескольких вещах.

Химено впервые показала истинное лицо. А Канзаки, оказывается, может проявлять некоторое ребячество. В классе Ичиносе большинство учеников связаны друг с другом лишь поверхностно.

Полтора года ушло на то, чтобы класс Хорикиты показал свои слабости.

Отличники, которые ставят себя превыше остальных и которых не заботят исключения из школы остальных.

Люди, что не способны учиться и общаться, а к насилию прибегают с полтычка.

Есть и такие, кто ради удержания верхних позиций в касте готовы паразитировать на преуспевающих.

Другие замышляют исключение товарищей только ради того, чтобы избавиться от призраков прошлого.

Слабые духом ученики падают на самое дно, а затем выползают наверх. И кто-то среди таких демонстрирует невероятный рост.

— ...Вот ты какой на самом деле, Канзаки-кун. Я поражена, ты ведь всегда такой спокойный.

— ...Могу сказать то же самое. Не знал, что тебя терзают те же чувства.

В классе Ичиносе не сталкивались с очевидными трудностями, как в классе Хорикиты.

После падения на тебе находят ссадины, бережно их обрабатывают. Тебя начинают придерживать с обеих сторон, чтобы не подкосились ноги. У кого болят руки, тех сменяют – помощь оказывается всегда.

В конце концов к ученикам приходит понимание: надо быть осторожнее, поскольку за тебя

переживают.

Почему ты упал? Отчего болят руки?

Больно может быть и в других местах, но ты молчишь и держишь все в себе, чтобы не заставлять переживать их еще больше.

И в результате в классе Ичиносе сформировались лишь поверхностные связи.

— Пришло время стать товарищами в истинном смысле слова, — обратился я к ним после продолжительного молчания.

— И что нам делать? Как продвинуться вперед? Даже если Химено изменит взгляды, смысла в этом мало, если не будет шага вперед.

— Спешка с ответом ни к чему. Просто попробуйте поискать.

— Поискать?.. Что именно?

— Таких же учеников, как и вы, которые скрывают то, что у них на душе.

Если в одиночку найти не получается, то можно собраться вдвоем и все обсудить - так поле зрения кратно увеличится. Любой новый взгляд способен привести к открытиям.

— А если... нам удастся найти одного?..

— Все просто: теперь на поиски вы отправитесь уже втроем. Затем вчетвером. И повторяйте так раз за разом.

И в конечном счете, маленькая искра разгорится огромным пламенем.

И тогда Ичиносе узнает.

Узнает, что класс пытается измениться.

— Станьте сильнее, пока еще не поздно. А после одолейте класс Хорикиты на итоговых экзаменах.

Если они это осуществят, на третьем году обучения у них должна будет появиться надежда на становление классом А, пусть и небольшая.

— ...Что будем делать, Канзаки-кун?

— Точно нужно быть готовыми приложить больше усилий, чем рассчитываем в начале. Однако... это осуществимо.

Увидев перед собой живой пример в виде Химено, он ни при каких условиях не скажет, что таких в классе не водится вовсе. Сама она также лично убедилась в твердой решимости Канзаки.

— Я также сильно хочу выпуститься из класса А. Просто до сих пор прямо об этом ни с кем не говорила...

Неважно, каким образом это произошло, но чувства Химено достигли Канзаки.

— В-вот как... Похоже, наши цели не менялись с самого начала.

Отныне, словно маленькие дети, они вместе будут делать свои первые шаги.

— Знаешь... Выслушав Аянокоджи-куна, у меня на примете появился один человек. Если не против, пойдём встретимся с ним?

В ответ на предложение Химено Канзаки решительно кивнул.

Дальше начинается территория, куда мне, постороннему человеку, вход воспрещен.

— Аянокоджи, этот должок мы вернем тебе на итоговых экзаменах.

Отблагодарить за сегодняшнее тем, что заработает победой право сойтись в схватке за класс А.

— Канзаки, класс Хорикиты очень серьезный противник.

— Да уж... Ты извини, но я пойду. Не хочу тратить впустую ни секунды.

Химено кивнула, достала телефон и ушла вместе с Канзаки.

Отчасти я беспокоился насчет того, как сильно они смогут измениться, но результаты могут быть даже лучше, чем я ожидаю.

Возможно, у них получится разбить класс Хорикиты на итоговых экзаменах.

Кто бы из них не упал, на моих планах это никак не скажется. Но я уже предвкушаю результаты.

Продолжение следует...

Над переводом работала команда RanobeList

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/4241/2322006>